
Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343.2

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.3.64>

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

© **Аверинская С. А.¹, Загайнов В. В.², 2025**

¹ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

² Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия

Проанализированы объективные признаки состава преступления присвоения и растраты с учетом сложившихся научных мнений в уголовно-правовой доктрине и судебной практике. На основе проведенного исследования высказаны предположения относительно общественных отношений, выступающих непосредственным объектом рассматриваемого преступления. Отмечается, что ключевым, юридически значимым признаком присвоения и растраты, в отличие от иных форм хищения, выступает не способ изъятия (хищения), а предмет преступления – «вверенное имущество». В этой связи резюмируется, что присвоение и растрата имеют в качестве объекта преступного посягательства не обобщенное понятие «отношения собственности», а именно имущественные отношения по владению, пользованию или распоряжению имуществом, ранее вверенным виновному лицу для совершения правомерных гражданско-правовых действий. Обращается внимание на то, что именно указанные возникшие отношения между собственником и виновным являются первичными в механизме последующих реализации корыстного умысла и причинения материального ущерба в результате хищения вверенного имущества, а установление этих отношений является наиболее значимой частью алгоритма квалификации присвоения и растраты. Сделан вывод о том, что точное определение непосредственного объекта и предмета преступления позволит эффективно и обоснованно отграничить присвоение и растрату от других преступлений против собственности. Установлена необходимость юридического закрепления признаков предмета преступления рассматриваемого деяния. С учетом изучения и обобщения различных мнений высказывается и обосновывается предложение о необходимости легального закрепления понятия «вверенное имущество».

Ключевые слова: преступления против собственности, присвоение и растрата, имущественные отношения, предмет преступления, вверенное имущество, квалификация.

DISCUSSION ISSUES OF QUALIFYING EMBEZZLEMENT AND MISAPPROPRIATION THROUGH THE LENS OF THE OBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT

© **Averinskaya S. A.¹, Zagaynov V. V.², 2025**

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation

The objective elements of the corpus delicti of embezzlement and misappropriation are examined with due consideration of established scholarly positions in criminal law doctrine and judicial practice. The study advances certain assumptions regarding the social relations that constitute the immediate object of the offense in question. It is emphasized that the principal legally relevant feature distinguishing embezzlement and misappropriation from other forms of theft lies not in the method of unlawful appropriation, but in the subject of the crime – “entrusted property”. Accordingly, it is argued that the object of criminal encroachment in cases of embezzlement and misappropriation should not be defined in terms of the generalized notion of “property relations”, but rather as the specific proprietary relations of possession, use, or disposal of property that had been entrusted to the offender for the purpose of performing lawful

civil-law actions. Particular attention is drawn to the fact that these relations arising between the owner and the offender constitute the initial and fundamental element in the mechanism whereby the offender subsequently realizes his or her mercenary intent and causes pecuniary damage through the misappropriation of entrusted property. The establishment of such relations, therefore, represents the most significant stage in the algorithm for the legal qualification of embezzlement and misappropriation. It is concluded that the precise determination of both the immediate object and the subject matter of the crime enables a more effective and well-grounded distinction between embezzlement and misappropriation, on the one hand, and other offenses against property, on the other. The necessity of legally consolidating the defining features of the subject matter of the crime in question is affirmed. In light of the analysis and synthesis of diverse scholarly perspectives, the paper substantiates the proposal to introduce into legislation a legal definition of the concept of «entrusted property».

Keywords: crimes against property, embezzlement and misappropriation, proprietary relations, subject matter of the crime, entrusted property, legal qualification.

Охрана собственности от различных форм посягательств не перестает терять актуальности в современных условиях. Преступления против собственности как социальное явление имеют древнюю историю как в общем смысле, так и в юридическом. На протяжении всего периода развития государственности нормативные документы устанавливали ответственность за посягательство на имущественные права, при этом формировались отличительные юридические признаки конкретных преступлений против собственности. Проведение градации конкретных форм хищения и последующее нормативное закрепление продиктованы как различной степенью общественной опасности, так и иными существенными различиями в способах изъятия имущества и спецификой предмета преступления. Многочисленные исследования и нарабатанная судебная практика до конца не поставили точку в вопросах квалификации деяний, содержащих сходные юридические признаки хищения, что свидетельствует о необходимости дальнейшего теоретического осмысления ключевых особенностей форм хищения с учетом мнения представителей юридической общественности.

Проводя анализ состава преступления, предусмотренного ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), можно отметить, что, несмотря на то, что присвоение и растрата традиционно считаются разными формами хищения, как кража, грабеж, разбой, мошенничество, однако законодательно они закреплены в рамках одной уголовно-правовой нормы. Указанное обстоятельство продолжает вызывать закономерный вопрос относительно соотношения действий, образующих объективную сторону между собой и наличия между ними принципиального различия, позволяюще-

го представить присвоение и растрату как разные формы именно с учетом способа хищения. Рассматриваемая норма включена в разд. VIII УК РФ, объединяющий в себе преступления, посягающие на общественные отношения в сфере экономики. Именно нормальное функционирование экономики, а точнее законный экономически обоснованный переход права собственности, является родовым объектом данного преступления.

Видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, как и иных преступных деяний, включенных в гл. 21 УК РФ, являются отношения собственности в целом, представляющие собой законное право любого собственника по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом.

Определяя конкретное общественное отношение, благо или интерес в качестве непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, уместно вести речь о конкретной форме собственности. Форма собственности определяется принадлежностью имущества, т. е. наличием законных взаимоотношений, основанных на правомерных действиях по отношению к конкретному имуществу. В этой связи не может выступать в качестве предмета хищения имущество, полученное изначально незаконным путем (например, в результате кражи или иной формы хищения, т. е. незаконного приобретения), так как лицо, из обладания которого выбывает имущество в результате противоправных действий, является не собственником, а незаконным приобретателем. Данный вопрос является дискуссионным и выходит за рамки представленного исследования.

Ряд исследователей обоснованно полагают, что непосредственный и видовой объекты преступлений против собственности совпадают. Такой точки зрения, например, придерживаются С. М. Кочои [5, с. 21], А. З. Докшонов [2, с. 97] и пр. Следует отметить, что именно эта

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Гарант : справочная правовая система.

точка зрения преобладает в современной уголовно-правовой доктрине.

Однако мы полагаем, что непосредственный объект преступления должен ограничивать его от других преступных деяний и определять именно его характерные признаки с учетом специфики преступления. В таком случае следует сделать конкретизирующее уточнение, основанное на специфике предмета преступления ст. 160 УК РФ. Непосредственным объектом присвоения и растраты будут являться общественные отношения собственности, складывающиеся по поводу владения, пользования и (или) распоряжения имуществом, которое собственник вверил виновному лицу. При этом имущественные отношения, на которые посягают присвоение или растрата, получают различные юридические формы выражения, не сводящиеся к праву собственности. Данные отношения могут возникать «в силу должностного или иного служебного положения»¹.

Одним из обсуждаемых и спорных вопросов, связанных с оценкой рассматриваемого преступления, является отнесение к объектам преступлений против собственности имущественных прав. Так, например, И. И. Клепицкий, придерживаясь точки зрения, согласно которой объектом имущественных преступлений, включая присвоение и растрату, следует считать имущественные права. Он утверждает, что собственность не может и не должна пониматься в качестве объекта преступления [3, с. 8]. С предложенным мнением сложно согласиться в полной мере, так как складывается ощущение, что автор в некотором роде смешивает понятия объекта преступления и предмета преступления. Именно поэтому А. З. Докшочков обоснованно указывает, что собственность как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны может потерять свое значение [2, с. 97].

Спорным является и вопрос о наличии или отсутствии дополнительного объекта преступления применительно к рассматриваемому составу преступления. Так, исходя из анализа судебной практики, присвоение или растрата становятся следствием нарушения порядка государственной или муниципальной службы, превышения должностных полномочий и прочее. Именно это и порождает вопросы о выделении дополнительного объекта преступного посягательства.

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Российская газета. 2017. 11 дек.

Присвоение и растрата могут причинять вред не только личным имущественным отношениям, но и имущественным отношениям, складывающимся в коммерческой или государственной деятельности, попутно вносить дезорганизующую или коррупционную составляющую деяния и его последствий. А данное положение предопределяет, что происходит посягательство на дополнительный объект уголовно-правовой охраны, такой как общественные отношения, обеспечивающие функционирование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, органов управления в Вооруженных Силах РФ, других войсках и иных воинских формированиях Российской Федерации, коммерческих организаций.

Большая часть преступных деяний, содержащихся в УК РФ, закрепляет как основной, так и дополнительный объект преступного посягательства. Очень важным при квалификации деяния установить, какому общественному отношению причиняется реальный вред либо создается угроза его причинения. При этом следует отметить, что зачастую дополнительные объекты преступлений могут быть вполне самостоятельными и ставиться под охрану уголовным законом.

В таком случае нельзя не согласиться с А. З. Докшочковым, который полагает, что вопрос об основном и дополнительном непосредственном объекте присвоения (растраты) следует решать, исходя из направленности умысла виновного [Там же].

Важно понимать, что объект преступления нельзя подменять предметом преступления. Предмет присвоения и растраты – вещи материального мира, обладающие такими признаками, как ценность и стоимость [3, с. 17].

В целях правильного определения основного объекта преступления для ст. 160 УК РФ необходимо разобраться в понятии «вверенное имущество». Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – ПП ВС № 48)² позволяет сделать вывод о том, что судам под вверенным имуществом следует понимать имущество, которое находилось в правомерном владении либо ведении этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества.

Именно для определения объекта преступного посягательства для анализируемого деяния необходимо обратиться к предмету преступления, которым, как следует из обозначенной выше позиции ПП ВС № 48, выступает имущество, которое документарно передано виновному лицу, в том числе находится на его балансе, банковском счете, подотчете.

При этом распоряжение находящимся в ведении имуществом может осуществляться через лиц, находящихся в служебной зависимости или подчиненности у виновного лица.

Однако данная позиция является дискуссионной. Н. А. Лопашенко полагает, что вверенное имущество передается собственником или законным владельцем лицу, которое является посторонним к этому имуществу, для осуществления каких-либо полномочий законного владельца или собственника. При этом вверение возникает как в том случае, когда виновному передаются почти все полномочия собственника, так и тогда, когда в отношении имущества он должен осуществлять только одно из возможных полномочий [6, с. 134].

Другие ученые-юристы считают вверенным имущество, переданное в правомерное владение лица, а также имущество, которое передано на основании трудового договора, гражданско-правового договора как в письменной, так и в устной форме [4, с. 10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общим объединяющим критерием рассматриваемого понятия выступает правовое положение субъекта, заключающееся в его юридическом отношении к имуществу. Виновное лицо может присвоить или растратить только то имущество, в отношении которого оно наделено законным образом определенными полномочиями. Важно также отметить, что переход права собственности от собственника к лицу, которому имущество вверяется, не происходит.

Наиболее важным отличием определений, предлагаемых учеными, и определения, изложенного в ПП ВС № 48, является круг полномочий виновного лица по отношению к имуществу. Традиционно вверение имущества состоит в одном или нескольких полномочиях: распоряжении, управлении, доставке и хранении. ПП ВС № 48 указывает на пятое – пользование имуществом.

Отдельные авторы считают, что вверение имущества означает только передачу лицу полномочий хранения, доставки, управления или распоряжения [1, с. 16]. Но эта позиция не соответствует современному изложению ст. 160 УК РФ. Пользование имуществом предполагает его законную передачу с целью пользования (например, аренда), и, согласно позиции Верховного Суда РФ, если арендатор каким-либо образом нарушит полномочия арендодателя (например, без ведома арендодателя продаст это имущество), это также будет квалифицировано как преступление, предусмотренное ст. 160 УК РФ.

Важно понимать, что только наличие возможности доступа к предмету преступления в силу замещаемой должности, выполнения работы, оказания услуги не всегда дает безусловное право для квалификации по ст. 160 УК РФ, а может вполне содержать признаки иной формы хищения, таких как кража или грабеж. Такая позиция отражена и в ПП ВС № 48 (п. 23).

Таким образом, теория и практика имеют различия в трактовании понятия «вверенное имущество» и полномочий, которые оно в себя включает. На практике суды используют расширенное толкование, изложенное в ПП ВС № 48, хотя иногда проблемы квалификации деяний возникают. Значительная часть научной общественности и практикующие юристы неоднократно указывали на необходимость законодательного закрепления рассматриваемой дефиниции.

С учетом того, что признак «вверенное имущество» применительно к присвоению и растрате является определяющим и установление его признаков влияет на правильную квалификацию, легальное определение представляется логичным и вполне обоснованным. 62

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокуров В. Н. Квалификация хищения вверенного имущества : учеб. пособие. Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2006. 58 с.
2. Докшонов А. З. Объект присвоения и растраты чужого имущества // Теория и практика общественного развития. 2008. № 1. С. 97–105.
3. Клепицкий И. А. Объект и система имущественных преступлений в связи с реформой законодательства России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 28 с.
4. Клепицкий И. А. «Вверенное имущество» в уголовном праве // Законность. 1995. № 12. С. 9–14.
5. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 27 с.
6. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. М., 2012. 528 с.

REFERENCES

1. Vinokurov V.N. *Kvalifikatsiya khishcheniya vvoren-nogo imushchestva* [Qualification of Theft of Entrusted Property]. Textbook. Krasnoyarsk, Sibirskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii Publ., 2006, 58 p. (in Russian)
2. Dokshokova A.Z. *Obekt prisvoeniya i rastryaty chuzhogo imushchestva* [Object of Misappropriation and Waste of Another's Property]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], no. 1, 2008, pp. 97–105. Available at: <https://www.example.com/docshokova2008.pdf> (accessed: May 15, 2023). (in Russian)
3. Klepitsky I.A. *Obekt i sistema imushchestvennykh prestupleniy v svyazi s reformoi zakonodatelstva Rossii* [Object and System of Property Crimes in Relation to Reform of Russian Legislation]. Diss. Sci. abstr. Moscow, 1995, 28 p. (in Russian)
4. Klepitsky I.A. "Vverenoie imushchestvo" v ugovnom prave ["Entrusted Property" in Criminal Law]. *Zakonost* [Legality], no. 12, 1995, pp. 9-14. (in Russian)
5. Kochoi S.M. *Otvetstvennost za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti po zakonodatelstvu Rossii* [Responsibility for Greedy Crimes against Ownership under Russian Legislation]. Diss. sci. abstr. Moscow, 1999, 27 p. (in Russian)
6. Lopashenko N.A. *Posyagatelstva na sobstvennost* [Encroachments on Property]. Monograph. Moscow, 2012, 528 p. (in Russian)

Аверинская Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), РИНЦ Author ID: 548288, ORCID: 0000-0001-6390-3598, Researcher ID: ABA-1600-2021, e-mail: aver27@mail.ru

Averinskaya Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), RSCI Author ID: 548288, ORCID: 0000-0001-6390-3598, Researcher ID: ABA-1600-2021, e-mail: aver27@mail.ru

Загайнов Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4), РИНЦ Author ID: 499781, ORCID: 0000-0003-2020-4097, e-mail: vladzagain@mail.ru

Zagainov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (4, Nekrasov st., Irkutsk, 664011, Russian Federation), RSCI Author ID: 499781, ORCID: 0000-0003-2020-4097, e-mail: vladzagain@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 03.09.2025

Received on 14.03.2025; approved on 15.04.2025; accepted for publication on 03.09.2025

Вклад авторов

Аверинская Светлана Александровна – разработка концепции статьи, обсуждение результатов, подготовка окончательного текста работы.

Загайнов Владимир Владимирович – сбор эмпирического материала, обсуждение результатов, подготовка окончательного текста работы.